

для ученика «создатель смешанного склонения» прибавил еще одно лишнее окончание, тем самым не только не уничтожив, а, наоборот, еще больше увеличив уже имеющуюся «хаотичность». Такой именно вывод напрашивается из приведенного нами выше замечания. Уж если где и требовалось привлечение научно-исторических данных, так это именно здесь. В их свете можно было бы изложить все это и проще и понятнее.

Мы не останавливаемся на других фактах неуклюже использованных исторических параллелей. Полностью приветствуя возможно широкое применение принципа историзма в преподавании латинского языка, мы считаем, что делать это надо продуманно и обоснованно с учетом всех требований методики преподавания языка.

П. И. Глебов

Издания на Народния Археологически Музей, нова серия, «Разкопки и проучвания», № I и II, София, 1948.

Среди литературы, отражающей огромный рост исторической науки в народно-демократической Болгарии, с особенным интересом мы останавливаемся на изданиях Народного Археологического Музея. Эта новая серия исследований показывает, какой большой перелом происходит в среде прогрессивных болгарских ученых, стремящихся к овладению марксистско-ленинской теорией.

Проблемы, поставленные во «Введении» Н. Мавродиновым, открывают широкие возможности по перестройке всей болгарской археологической науки. Решительно осуждая вещайскательство и вещеведение, столь характерные для буржуазной науки, Мавродинов указывает главные цели болгарских археологов: «Мы стремимся приложить исторический материализм к истории материальной культуры нашей страны» (стр. 5).

Два первых выпуска указывают на значительные успехи болгарской археологии.

В первом выпуске отдел предистории и древней истории начинается работой известного исследователя В. Микова «Предисторическото селище до с. Михалич Свиленградско» (стр. 7—25). Автор публикует раскопки, произведенные им в 1945 г. в районе Свиленграда. В окрестностях с. Михалич было раскрыто укрепленное поселение на возвышенности и менее значительные остатки поселений на равнине, относящиеся к периоду 2600—2200 гг. до н. э. Разнообразный материал: остатки прямоугольных хижин с очагами и хорошо сохранившейся круглой печью, каменные орудия, изделия из кости и дерева, многочисленная керамика, остатки костей животных (собака, корова, лошадь, овца, свинья, кошка), пряслица и отпечатки ткани на глиняном сосуде — показывают, что здесь существовало большое поселение в эпоху позднего неолита. Родовая община, обитавшая в этом поселке, занималась скотоводством, составлявшим основу хозяйства. О развитии земледелия говорят весьма многочисленные каменные зернотерки. Автор совершенно справедливо указывает на тесные связи культуры этого поселения с культурой прибрежной Фракии и Македонии, северо-западного побережья Малой Азии и островов Эгейского бассейна.

Столь же большой интерес представляет опубликованный В. Миковым (стр. 26—62) обзор раскопок Народного Археологического Музея, производившихся летом 1946 г. у села Криводол, около 75 км к северу от Софии («Предисторическото селище до Криводол Врачанско»). Автор подробно характеризует обнаруженный материал: остатки прямоугольных хижин с обмазанными глиной стенами, круглые в плане очаги и печи, камни зернотерок и многочисленные предметы бытового обихода из камня, кости, рога и глины. Особенный интерес представляет весьма обильная и разнообразная керамика Криводольского поселения. Разнообразие форм сосудов и богатая орнаментация — врезанный, точечный, бугорчатый и канелированный узоры — указывают на высокое развитие керамического мастерства жителей. Находка медной спирали датирует поселение 2200—1900 гг. до н. э.

В. Миков, изучавший многие поселения Болгарии эпохи неолита и бронзового периода, выделяет ряд местных особенностей Криводольского поселения. Обитавшее там земледельческо-скотоводческое население, по мнению автора, было ближе по своей культуре к западной группе культур расписной керамики, чем к восточной.

Рецензируемая статья является важным и ценным исследованием. Было бы, однако, желательно, чтобы автор исследования поставил вопрос о стратиграфии слоев Криводольского поселка. Это вполне разрешимая задача, так как неолитические слои имеют здесь в толщину 4,20 м и содержат остатки нескольких жилищ. Стратиграфическое исследование материала помогло бы выявить черты развития неолитического населения Криводола в течение длительного периода существования поселка. Поэтому нам представляется неправильным то, что автор рассматривает керамику из различных слоев Криводола вместе, не отделяя ранние образцы от более поздних. Если керамику из мусорных насыпей трудно выделить, то сосуды из жилищ можно было бы рассматривать в их хронологической последовательности. Нельзя согласиться и с предложенной автором классификацией Криводольской керамики по наличию и формам ручек на сосудах; нам кажется более закономерной обычная классификация по формам и орнаменту. Хотелось бы также, чтобы автор обратил внимание на некоторые параллели в керамике Криводола (например, сосуд на рис. 31 *e*) с сосудами Усатовской культуры. Это дало бы основание говорить о более широких связях криводольцев эпохи позднего неолита с соседними племенами и территориями.

Статья Г. И. Георгиева «Энеолитное селище до с. Колена, Старозагорско» (стр. 63—74) представляет собою описание разведывательных раскопок энеолитического поселения у села Колена, в 11 км к северу от Стара Загора. На небольшом раскопе осенью 1946 г. было прослежено пять последовательно сменявшихся культурных слоев с остатками жилищ, гончарной печи, орудий труда, керамики и т. д. Для данного поселка характерным является небольшое количество каменных орудий. Автор датирует это поселение энеолитической эпохой, исходя из форм и орнамента сосудов, особенно на основании орнамента, нанесенного графитом, столь часто встречающегося в других энеолитических поселениях южной Болгарии.

Небольшая, но обстоятельная заметка Н. Петкова «Гинова могила до с. Чelopeч, Пирдопско» (стр. 75—81) посвящена материалам, добытым при зондажах неолитического поселения, существовавшего здесь приблизительно от 3000 до 1900 гг. до н. э. Раскрыты три культурных напластования, показывающие большое сходство культуры обитателей этого поселка с культурой жителей Софийской котловины в III — начале II тысячелетия до н. э.

И. Венедиктов разбирает вопрос об этническом составе населения Пеонии с VI в. до н. э. по II в. н. э. («Баргала», стр. 82—98) на основе ряда новых археологических находок. В VI—V вв. до н. э. в долине р. Брегалницы существовала иллирийская культура; носителями ее были пеоняне, пребывание которых здесь засвидетельствовано античными авторами. Позднее здесь появились фракийцы. Автору удается показать, что ряд названий в средней Македонии являются фракийскими. Публикуя надпись о постройке ворот в городе Баргале при императорах Валентиниане и Валенте, исследователь локализует этот город на берегу современной р. Брегалницы у с. Карбинци. Фракийской топонимике в этой местности соответствуют фракийские захоронения там же, датируемые первыми веками нашей эры.

И. Венедиктов считает, что смена иллирийской культуры фракийской в средней Македонии произошла в результате переселения туда фракийцев вследствие обезлюдения Пеонии.

Весьма интересную находку публикует Т. Иванов («Предпазно вторъжение на тракиец от Асеновград», стр. 99—108) — бронзовый шлем, поножи и происходящую из того же погребения бронзовую гривну. Весь комплекс относится к концу V или началу IV в. до н. э., судя по клею мастера на поножах. Находка важна не только для пополнения наших знаний о фракийском военном деле. Она показывает, что фракийская знать, подобно скифской и меотской, пользовалась изделиями греческих мастеров из прибрежных колоний.

Перу этого же автора принадлежит заметка «Новооткрыти паметници от Nicopolis ad Istrum» (стр. 109—115). Среди публикуемых архитектурных, скульптурных и бытовых памятников должно особо выделить два надгробия, принадлежащих, судя по надписям, членам одной и той же семьи. В одной из них впервые упоминаются герусия и фила Аполлония, не известные ранее в Никополисе на Истре. Архитектор С. Б о б ч е в возобновил свои исследования театрального сооружения в Никополисе на Истре («Нови данни за «Одеони» в Nicopolis ad Istrum», стр. 116—125), начатые им еще в 1927 г. (см. ИБАИ, V, 1928). Раскопки 1945 г. позволили уточнить реконструкцию крытого здания театра и с еще большей уверенностью определить, что исследуемое сооружение было театром города Никополиса, а не зданием булевертия.

В заметке «Новопостъпили паметници на Диониса в Софийския Музей» (стр. 126—133) З. Р а к е в а - М о р ф о в а публикует изображение головы Диониса и воспроизводит два посвященных рельефа Дионису, публиковавшихся ранее без фотографий. Исследуемые памятники весьма интересны для изучения распространения культа Диониса во Фракии и определения местных фракийских особенностей этого культа.

Известный болгарский нумизмат Т. Г е р а с и м о в поместил очень обстоятельное и ценное исследование большого клада (112 штук) серебряных монет Аполлонии Понтийской (стр. 134—149). К сожалению, о местонахождении этого клада известно только то, что он происходит из Шуменского округа. Весь комплекс относится к 440—400 гг. до н. э. Автор очень тщательно и подробно исследует тетраболы Аполлонии, указывая на целый ряд характерных особенностей этих монет. Его замечания о технике чеканки монет в Аполлонии весьма важны для истории монетного дела в древности. Особенно обращает внимание указание Т. Герасимова на то, что из более чем сотни экземпляров монет очень немногие выбиты одним и тем же чеканом. Это свидетельствует о большом размере серебряных эмиссий Аполлонии во второй половине V в. до н. э.

Нам хотелось бы добавить, что находка этого клада в столь отдаленных от самой Аполлонии местах свидетельствует о весьма широком хождении монеты аполлониатов во фракийских землях в эпоху возвышения царства одрисов. Нельзя ли сделать отсюда вывод об особом покровительстве царей Ситалка и Севта грекам-торговцам из Аполлонии? Величина клада указывает не только на размеры торговли фракийцев с греками; она подтверждает значительное развитие товарно-денежных отношений среди местного населения в V в. до н. э. Свидетелями последнего являются монеты одрисских царей, выпуск которых начался в 420-х гг. до н. э.

Исходя из данных о развитии денежного обращения во Фракии, мы предлагаем иное объяснение найденным в кладе монетам «варварского стиля» №№ 20, 46 и 47. Т. Герасимов полагает, что они были сделаны на монетном дворе Аполлонии мастером-фракийцем. Вероятнее всего, что эти монеты представляют собою подделку широко распространенной монеты Аполлонии и были выбиты мастерами-фракийцами где-нибудь внутри страны.

Мы не можем согласиться с предлагаемой Т. Герасимовым датировкой клада временем после 358 г. до н. э., так как ни одной монеты первой половины IV в. в нем не обнаружено. Вероятнее всего, что он относится к началу IV в. до н. э.

Многочисленные рисунки и фотографии делают публикуемые в первом выпуске материалы легко доступными для использования. Желательно только снабжать последующие выпуски списком сокращений, так как не все болгарские издания известны широким кругам читателей (например, СПБАН, ГПНБМ и несколько других).

* * *

С особым интересом рецензируем мы второй выпуск, целиком посвященный раскопкам некрополя Аполлонии Понтийской. Проводившие летом 1946 г. эти исследования сотрудники Народного Археологического Музея поставили перед собою новые задачи: выявить влияние местного, фракийского населения на культуру греческих

городов побережья, показать, что культура фракийцев не была полностью эллинизирована, но сохраняла свою самобытность и развивалась по своим собственным путям. Выбор городища и некрополя Аполлонии для разрешения этих задач очень удачен. Выявление следов воздействия фракийской культуры на такой крупный город может показать высокое значение местного населения в жизни античного Причерноморья.

Первая статья разбираемого сборника «Равкопките в некропола на Аполония през 1946 г.» (стр. 7—29) принадлежит руководившему раскопками И. В е н е д и к т о в у. В ней читатель найдет интересные сведения о прежних раскопках некрополя Аполлонии, об организации раскопок 1946 г. и о разведках в самом городе. Главное, однако, — подробное описание вскрытых 122 погребений, обнаруженных на глубине от 1,20 до 4,50 м. Анализируя различные виды и инвентарь захоронений с кремированием и труположением, в урнах и амфорах, в черепичных гробницах или, в большинстве случаев, прямо в землю, автор приходит к выводу, что раскопанный участок некрополя служил местом для погребения в течение не более, чем 300 лет. Древнейшие захоронения относятся к концу V в. до н. э. По инвентарю некрополь Аполлонии напоминает обычные греческие некрополи того времени. Очень важными, как отмечает автор, являются погребения с фракийскими бронзовыми вещами, показывающие, что население Аполлонии в IV—II вв. состояло не только из греков, но и из фракийцев. Нам кажется, что И. Венедиктов мог бы поставить вопрос и о социальной принадлежности захороненных в этом некрополе фракийцев. Если мы сравним эти захоронения с местными погребениями в Херсонесе, открытыми в 1936—1937 гг.¹, которые принадлежали рабам херсонеситов, то сможем сделать следующий вывод: погребенные в некрополе Аполлонии фракийцы были свободными. Все эти соображения носят, конечно, предварительный характер. Хотелось бы отметить, что амулеты, подобные изображенному на стр. 25 рис. 27, известны в Ольвии.

Керамические находки были обработаны и изданы Т. И в а н о в ы м («Керамиката от некропола на Аполония», стр. 31—52). обстоятельно изучив новый материал, исследователь делает ряд интересных выводов о культуре, обычаях и экономическом положении жителей Аполлонии в период от конца V в. до середины II в. до н. э. Он отмечает, что наиболее богаты керамикой погребения IV в., главным образом Филиппа и Александра Македонского, что было следствием подъема материального благосостояния населения древней Фракии. Многочисленная аттическая керамика в некрополе Аполлонии дает автору основание говорить о значительной торговле Афин с фракийским побережьем, подобной торговле с северопонтийскими городами. Очень интересно указание автора о широком распространении местной керамики в III—II вв. до н. э., заменившей привозную.

Ц. Д р е м с и з о в а на основании найденных в некрополе терракот («Теракотите от некрополя на Аполония», стр. 53—58) делает очень важный вывод о наличии местного производства терракот в IV—III вв. Эти данные показывают, что развитие керамического производства Аполлонии шло такими же путями, как и гончарное дело Северного Причерноморья. обстоятельное и весьма подробное исследование Ц. Дремсизовой открывает ряд новых черт в культуре и религиозных представлениях аполлониатов. Однако мы считаем возможным внести небольшое уточнение. Автор полагает (стр. 57), что терракотовая мастерская Аполлонии работала при помощи форм, привезенных из Танагры, Мирины или малоазийских городов. Без сомнения, в самом начале образцами для фигурок в Аполлонии служили привезенные из метрополии статуэтки. Но формы для их изготовления были сделаны на месте в Аполлонии. Вряд ли можно предполагать ввоз терракотовых форм, да еще из различных центров. Художественное ремесло было развито вполне достаточно в Аполлонии, чтобы местные мастера сами изготовляли формы.

Г. М и х а й л о в в статье «Надписи намерени в Созопол през 1936 година» (стр.

¹ В. Д. Блаватский, Рецензия на книгу: Г. Д. Белов «Херсонес Таврический», ВДИ, 1949, № 3, стр. 146—147 и Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг., Севастополь, 1938, стр. 163 сл.

59—67) публикует ряд новых ценных эпиграфических памятников. Надгробия из некрополя и его окрестностей дают много имен граждан Аполлонии конца V — начала IV в. до н. э. Очень интересно надгробие № 1, указывающее, что приток переселенцев в Аполлонию из Малой Азии продолжался и в V в. до н. э. Среди памятников, найденных в самом городе, особенно ценным является фрагмент мраморной стелы, содержащей часть почетного декрета III в. до н. э. на дорийском диалекте. Автор предлагает убедительную реконструкцию текста и объясняет его, исходя из общего положения во Фракии в то время. Декрет на дорийском диалекте является копией постановления союзного с Аполлонией города, вероятно Месембрии. Оба города подвергались какой-то опасности и получили помощь от Антиоха. Г. Михайлов подробно разбирает вопрос о деятельности Селевкидов в III в. до н. э. во Фракии и приходит к выводу, что упоминаемый в надписи Антиох был Антиох II Теос, помогавший Аполлонии и Месембрии против угрожавших им кельтов. Это предположение объясняет один из пробелов в истории Аполлонии и Месембрии, так как ни один из источников не сохранил данных о судьбе этих городов во время кельтского нашествия. Вполне возможно, что помощь Антиоха помогла им отразить нападения врагов. Разбираемая надпись является еще одним свидетельством того интереса, который проявляли эллинистические цари к греческим городам Западного Причерноморья.

Заканчивая обзор, мы хотим отметить высокий уровень полевого техники и последующей обработки и публикации материалов. Чрезвычайно удачным нужно считать объединение публикаций и исследований всех добытых раскопками материалов: керамики, терракот, надписей и т. д. Можно пожелать только успешного продолжения издания столь солидных трудов Народного Археологического Музея.

Т. В. Блаватская

ЦИЦЕРОН И ЦЕЗАРЬ В ПОСЛЕВОЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В послевоенные годы в буржуазной исторической литературе уделялось большое внимание истории падения Римской республики и переходу к империи. Одной из характерных черт многих работ является уверенность авторов в том, что как общее положение Рима, так и отдельные деятели этого бурного времени имеют разительное сходство с современностью и современниками.

Вот, например, книга «автора многих трудов по политическим и юридическим вопросам» (как он охарактеризован в предисловии) судьи из штата Огайо, Уилкина, — «Вечный юрист»¹ с предисловием Лорда, издателя речей Цицерона в серии Лёба. Автор предисловия высоко оценивает книгу, особо рекомендуя ее вниманию читателя, который найдет в ней много параллелей с современностью и полезных предостережений. Судья Уилкин, по его словам, показал Цицерона с новой стороны, — не как политического оппортуниста, а как вечного борца за право и справедливость и, кроме того, как пророка, предостерегающего Америку XX в. от ошибок Рима I в. до н. э. «Не виной судьи Уилкина будет, если голос Цицерона окажется гласом вопиющего в пустыне», — заканчивает он. Сам судья начинает свою работу с утверждения, что все наиболее яркие эпохи в истории характеризовались борьбой за право и закон. Во время Цицерона эта борьба разыгрывалась на арене города-государства, в XVIII—XIX вв. — на арене национальной, в XX в. — на мировой.

Цицерон якобы всегда защищал обиженных, всегда готов был жертвовать собой. В качестве примера приводится его выступление за Секста Росция, которое, по мнению автора, было для Цицерона полно риска в условиях диктатуры Суллы (стр. 13), хотя на деле Цицерон в своей речи достаточно льстит Сулле, чтобы чувствовать себя в полной безопасности. Однако Уилкин считает, что в этом деле Цицерон проявил

¹ R. Wilkin, The eternal lawyer, N. Y., 1947.